ми», мы видим, что из них не только буквально перенесено описание картинок, но в общих чертах заимствована и вся обстановка этого описания. В обоих случаях об этих картинках рассказывает проезжий, рассматривающий их, ожидая на почтовой станции лошадей.

О связи «Станционного смотрителя» с «Записками молодого человека» свидетельствуют еще некоторые детали, сами по себе малозначительные. Абзац «Станционного смотрителя», где говорится о первом приезде на станцию рассказчика, до нитки промокшего в дороге под дождем, о его знакомстве со смотрителем и его дочкой и об изображенной на картинках истории блудного сына, в печатном тексте начинается фразой «День был жаркий», отсутствующей в рукописи. Эту фразу также можно считать перенесенной из «Записок», где она начинает один из ближайших абзацев, следующих за описанием картинок, и где она лучше согласуется с контекстом, со скучным и однообразным деревенским видом в жаркий день, чем с дождем в «Станционном смотрителе». («День был жаркий. В трех верстах от станции *** стало накрапывать, и через минуту проливной дождь вымочил меня до последней нитки».) К отражениям «Записок» можно отнести и признание рассказчика во вступлении к «Станционному смотрителю», что беседы смотрителей он предпочитает «речам какого-нибудь чиновника 6-го класса, следующего по казенной надобности». Выбор именно 6-го класса из 14 классов табели о рангах объясняется, видимо, тем, что этот класс уже упоминается в «Записках молодого человека». Услышав, что лошадей нет, молодой человек в почтовой книге прочел: «...от города * до Петербурга едущий шестого класса чиновник с будущим взял (двенадцать) лошадей...».

Как мы видим, было много оснований признать черновик начатой повести предварительным эскизом к «Станционному смотрителю», в качестве какового он публиковался до 1930 г. Однако ряд существенных деталей, не включенных в завершенную повесть, позволил выделить этот отрывок как самостоятельный замысел, не доведенный до конца.

Свои записки молодой человек начинает с того, что 4 мая 1825 г. он произведен в офицеры, выпущен из кадетского корпуса прапорщиком и направлен в Ч. полк, в местечко В. Киевской губернии. Эти инициалы легко расшифровываются: он едет в расположенный в Василькове Черниговский полк, который в декабре того же 1825 года поднял восстание под руководством С. И. Муравьева-Апостола. Об этом восстании, очевидно, должна была идти речь в начатой повести.

В IV томе юбилейного шеститомного Полного собрания сочинений Пушкина начатая повесть названа «Повестью о прапорщике Черниговского полка». В комментариях Ю. Г. Оксмана (раскрывшего значение инициалов «Ч» и «В») ситуация этого прапорщика сопоставляется с судьбой младшего из трех братьев Муравьевых-Апостолов — Ипполита, в том же 1825 г. произведенного в прапорщики, приехавшего в Васильков во время восстания, с энтузиазмом принявшего в нем участие и покончившего с собой после поражения восставших. Но Оксман указывает также на существенные различия между Ипполитом и «молодым человеком» из «Записок»: «Прапорщик Пушкина — «бедный прапорщик армейский», а не аристократ Муравьев-Апостол. Повесть, рассчитанная на печать, не могла строиться в тонах патетической апологии бунтаря, и, подобно тому, как Пушкин сделал это впоследствии с Евгением в «Медном всаднике», его герой и в 1829 году оказался несколько сниженным и социально и интеллектуально...»[3, с. 769].

Далее в комментариях Оксмана говорится: «Судя по началу повести и сохранившемуся ее плану, социально-политическая острота вещи связана была главным образом с ее концовкой, обозначенной Пушкиным только одним словом — «Родина». Эта лаконическая запись, открывая простор самым широким догадкам о развязке задуманной Пушкиным вещи, прежде всего ассоциируется с трагическим переломом судьбы всех солдат и офицеров Черниговского полка — с декабрьским восстанием 1825 года.

Повесть о прапорщике Черниговского полка брошена была Пушкиным в то же время и по тем же причинам, по которым ему пришлось уничтожить десятую